

Неделя - 1991. - 24-31 окт. (№ 50) - с. 18

«Передо мною 327 машинописных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное — корректура (авторская), большая, сложная, внимательная, возможно, с перепиской некоторых страниц. «Что будет?» — ты спрашиваешь? Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего».

Михаил БУЛГАКОВ.
Из письма к
Е. С. Булгаковой.

15 июня 1938 г.

«Ты знаешь, он очень любил слушать мои рассказы о детстве, о нашей семье».

Елена БУЛГАКОВА.
Из письма к
А. С. Нюренбергу.

28 февраля 1961 г.

НА СНИМКАХ:
● Елена Булгакова.
1907 г.

● «Дом со странностями»
по Феллинской, 1 в Риге
и его скульптурный
фрагмент в виде дьявола.

Над моей постелью, ближе к изголовью, фотография в прямоугольной раме. В часы бессонницы в слабом свечении ночного неба она превращается в темное пятно с размытыми краями. Но и не вглядываясь, я вижу прелестное лицо девочки, которая кажется себе взрослой.

На девочке замысловатого покроя и, вероятно, очень нарядное закрытое шерстяное платье со светлой вставочкой, поднятые вверх волосы впервые уложены во взрослую прическу — «гнездом». Но неуловимое и даже на фотографии бесконечно меняющееся выражение лица... Темные глаза, таящие готовность загрузить, и губы, го-

«МЫ НЕ ЗНАЕМ НАШЕГО БУДУЩЕГО»

ИЗ КНИГИ «ТРЕУГОЛЬНИК ВОЛАНДА»

товые сложиться в улыбку... Девочке 14 лет. Ее зовут Люся Нюренберг. Она живет в Риге, в 1907 году.

...В душную бензиновую гарь современной вокзальной площади в Риге волнами влывают запахи свежести и влаги — от ближней Даугавы. В начале века реку звали Двиной. «Редкая птица долетит?..» Что ж, смотря какая птица. Если воробей, то, пожалуй, и не рискнет. Здесь, у города, это мощная, судорожная река. Из недалекого широкого устья, сливающегося с заливом, сюда заходят корабли.

От угла вокзальной площади, параллельно реке, вдоль городского канала — бульвар. Названия улиц в Риге меняются часто, но это название, вероятно, надолго: бульвар Райниса. В начале века он назывался бульваром Наследника, и на нем было две гимназии — мужская и женская. Поближе к вокзальной площади — женская, Ломоносовская. Это была очень престижная гимназия, и девочка училась здесь.

Я неспешно иду по бульвару, отсюда, от конца его, от бывшей Ломоносовской гимназии, где девочек так хорошо учили немецкому и французскому, музыке и литературе. Слева городской канал, справа — добротные и старые здания; вероятно, они выглядят так же, как и в начале века. И вижу, вижу, как мне навстречу легкой походкой бесконечно идет, оставляя прозрачный след в вечности, очень хорошенькая девочка с улыбающимся ртом и таящими какую-то загадочную печаль глазами. На ней высокие шнурованные ботинки или зимние фетровые ботинки, в руке зонтик — в Риге так часты дожди — или зимняя муфточка? А может быть, она не одна, а с сестрой, которая чуть старше и чуть выше ее? Тогда они смеются... А может быть, с ними брат, он чуть старше обеих сестер, и тогда они смеются открыто и звонко...

Мне хочется знать, откуда, какими садами и скверами идет девочка... Уже знаю ее запись, сделанную шестьдесят лет спустя, когда, незадолго до смерти, она приезжала в Ригу: «...на Феллинскую — детство; мимо театра, мимо нашего скверика, где мы играли каждый вечер...» Уже знаю по адресным книгам Старой Риги, просмотренным мною в библиотеке (и все почему-то на немецком языке): Nurenberg S. M... Нюренберг... Fellingnerstrasse... Феллинская, д. 1, кв. 10. Но я не бывала здесь...

«...И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира». Да, в Риге не было так много садов, как в воспетом Булгаковым городе. Но в этой части Риги, где жила девочка, садов невероятно много. Перекрещиваются бульвары, переходят в скверы и парки...

За бульваром Наследника следует парк, он называется парк Кронвалда, а в начале века — Стрелковый сад; теперь остается пересечь бывшую Елисаветинскую улицу... Феллинская, которую я ищу, переименована; не буду называть ее нового имени; это хорошее имя, но здесь оно случайно и, вероятно, недолговечно. Очень не хотелось бы, чтобы улицу в дальнейшем переименовали в улицу Елены Булгаковой или в улицу Маргариты. Пусть называется так, как называлась в начале века, когда прелестная девочка Люся Нюренберг ходила отсюда в школу.

Мой спутник видит лучше меня, он останавливается первый и, смеясь, удерживает меня за руку. «Вот она!» — «Что?» — «Дом № 1».

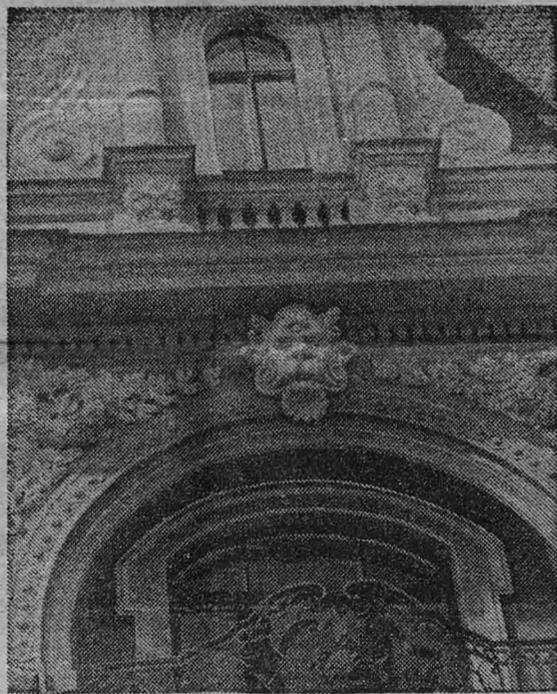
статуя, должно быть, Афины — в полный рост, с Парфеноном в руке. На угловом фасаде — клянусь! — голова дьявола. И на боковом фасаде, выступающем на Елисаветинскую, — тоже. И еще барельеф — высоко, над четвертым этажом — прекрасный лик женщины в лучах, издали он кажется мраморным. Неужели Маргарита?

Фантазии у архитектора (потом узнала: Р. Цирквич, дом построен в 1899 году, впрочем, дата на фасаде) не занимать: никакой симметрии, никаких повторов. На разных уровнях балконы — разные: нижние — прямоугольные, средние — полукруглые, лепные, верхние — с красивой решеткой. И окна разные! Ну не все разные, а эдак сгруппированы по горизонталям и вертикалям. И гармонично!

Интересно, за эту фантастическую красоту податной инспектор и театральные рецензенты Сергей Нюренберг, снимавший здесь квартиру, платил дороже? Или, из-за головы дьявола, дешевле?

К нам подходит очень юный молодой человек, гуляющий с собакой. Он живет по соседству, а здесь живет его друг, и он может открыть нам дверь подъезда. Внутри влияние готики: вестибюль узкий, лестница экономно зажата стенами. Где находилась в начале века квартира № 10, неизвестно. Квартиры явно перенумерованы.

— В этом доме, — в благодарность говорю я, — жила девочка, ей было столько же лет, сколько вам сейчас. Из этого дома она ходила в школу. А потом стала Маргаритой.

«Ты уверен?» — «Феллинская, № 1. И ничто другое».

На углу четко начертано: «1».

Нет, это действительно ничем другим быть не могло: фантастически прекрасный дом, совсем недавно отремонтированный, как будто специально к нашему приходу.

Он четырехэтажный — более высокая застройка в конце XIX века здесь была запрещена. Над угловым фасадом, конечно, купол. С флюгером. Ну без флюгера в Риге никак. Но сколько лепнины, барельефов, скульптуры... Какие-то ушастые и усатые лики над каждым окном первого этажа... Какие-то крылатые создания над окнами третьего... На стене, над входом и въездом (они лаконичны, прямоугольны, адистремное, что здесь просто) —

— Подумать только, — говорит юноша-мальчик. — А я и не знал до сегодняшнего дня.

— Мы тоже не знали до сегодняшнего дня, — непонятно говорим мы, я и мой спутник. И все ходим и ходим вокруг этого дома, на той же стороне и на противоположной, словно ожидая, что вот-вот зеркально блеснет, открываясь, дверь и выйдет, переступая стройными, аккуратно обутыми ножками, очень хорошенькая девочка и, не видя нас, принадлежащих другой эпохе, перейдет на углу широкую Елисаветинскую улицу, чтобы уйти в скверы и бульвары Риги.

Люся Нюренберг... Елена Булгакова... Маргарита...

Лидия ЯНОВСКАЯ.

